

Анализ практики

И всё-таки из рассмотренного примера можно извлечь полезный урок. Переводчику, работающему с английским языком, полезно помнить, что между русским словом «рак» и английским *cancer* нет полного соответствия (всякий рак — *cancer*, но не всякий *cancer* — рак), и что русский врач с институтской скамьи усваивает особый, узкий смысл слова «рак», отличный от об-

щербитового, и диалог из «Ракового корпуса» — прекрасная тому иллюстрация.

Поэтому, переводя специальные тексты или имитируя речь врача в художественных произведениях, переводчику с английского надо с осторожностью относиться к слову *cancer* и не всегда передавать его словом «рак»: часто вернее и достовернее будет словосочетание «злокачественная опухоль».

Курабельный случай

Ответ на статью А.Г. Азова «Вообще не рак»

Д.М. Бузаджи

В книге «Хороший тон», изданной в 1885 г., между прочим сказано: «Особы, бывающие в обществе, должны уметь говорить о пустяках. Человек, не имеющий, по выражению одного английского писателя, “разговорной мелочи”, похож на богача без мелкой монеты и поэтому затрудняющегося платить мелкие расходы... Иные учёные люди бывают несносны в обществе; они очень легко забывают, что находятся не на кафедре перед учениками, а в обществе личностей, желающих отдохнуть и рассеяться от дел и неприятностей дня».

Как жаль, что сегодня разговоры на переводческие и околореводческие темы всё чаще становятся разговорной мелочью для общества разных мастей! «Нынче без анекдота — ничто. Нынче без анекдота — нигде, — писал в начале XX в. Влас Дорошевич. — Если где-нибудь вы видите группу людей, слушающих внимательно, сосре-

доточенно, — знайте, что им рассказывают анекдот!» В переводческом мире такую роль играют байки. Уже трудно представить себе, чтобы на переводческой конференции или, скажем, на праздновании Дня переводчика к микрофону не вышел бы записной баечник и не сорвал бы шквал аплодисментов. На последнем заседании Клуба переводчиков один посетитель, так и не дождавшись баек от представлявшей свою книгу Линн Виссон, решил восстановить справедливость и потребовал — очевидно, в награду за терпеливо прослушанное выступление — заслуженного десерта («Расскажите смешной случай из практики!»).

Всё вышесказанное ни в коем случае не значит, что статью А.Г. Азова «Вообще не рак» можно счесть болтовнёй или байкой. Наоборот, этот материал имеет ряд бесспорных достоинств: автор верно подметил переводческую ошибку, дал основатель-

ные, но доходчивые объяснения, изложил суть дела лёгким языком, познакомил читателя с рядом любопытных фактов, был в меру лаконичен. Однако не могу отделаться от опасений, что читатель — по законам анекдотического времени — растащит статью моего уважаемого коллеги всё на те же байки, благо она даёт к этому поводы. И вот весьма «сносные в обществе» люди зашущукают по гостиным, институтским коридорам и интернетовским форумам:

- Слыхали, а ведь *cancer* – это совсем не *рак*!
- Опять происки Запада! Из нашей славной Донцовой в переводе сделали хитрующую врачиху-обманщицу.
- Эх, всё-таки Солженицына перевести нельзя: не понять этим англичанам русскую душу!

А что делать? Разбор переводческих ошибок, заканчивающийся выводом о непереводаемости, настолько хорошо соответствует требованиям «хорошего тона», что любители разговорной мелочи и не заметят, что на самом деле в статье А.Г. Азова есть выход на куда более глубокие и интересные темы.

Рискуя наскучить тем, кто желает отдохнуть и рассеяться, сначала попробуем ответить на вопрос, неизбежно возникающий при прочтении «Вообще не рака»: «Как же тогда надо было перевести?» В поисках ответа нам понадобится не столько знание русской и английской медицинской терминологии, сколько обращение к базовым положениям теории перевода.

Итак, исходя из функционально-коммуникативного подхода к переводу, т.е. принимая за передаваемый в переводе инвариант функциональный рисунок и коммуникативный эффект оригинала, сперва мы должны разобраться, зачем Донцова в разговоре с Русановым использует медицинскую терминологию именно таким образом и какое воздействие её слова производят на Русанова и на читателя. Довольно любопытно, что А.Г. Азова этот вопрос как будто не интересует и он сразу начинает «смотреть глазами врача». Однако Донцова подтвердила Русанову, что у него не рак, вовсе не потому, что она врач и мыслит только

строгими терминами, не догадываясь о бытовом употреблении слова *рак*, и не потому, что захотела щегольнуть перед больным профессиональным софизмом («Ты-то, мол, поверил, что у тебя не рак, а я тебе всего лишь сказала, что не карцинома»).

Уклончивый ответ врача, как и сама практика не сообщать пациентам их диагноз, призваны в первую очередь успокоить больного, дать ему хотя бы совершенно иррациональную надежду, не оглушить страшным диагнозом-приговором. Вспомним ситуацию, в которой происходит второй процитированный А.Г. Азовым диалог: утренний осмотр, у врачей полно работы, идёт жестокий бой за жизнь каждого пациента, а тут перетрусивший Русанов пытается жаловаться, возмущается, что его не лечат, грозит позвонить в Минздрав и в то же время надеется, что врач его обнадёжит, скажет, что у него ещё не всё так плохо, не поставит на одну доску с «настоящими» раковыми больными. Ничего удивительного, что Донцова пытается его успокоить (и отделаться от него: времени на долгие разговоры нет). С одной стороны, она называет ему диагноз (ведь, раз есть диагноз, значит, началось лечение), с другой — намеренно использует неизвестный непрофессионалу термин. Если взглянуть на происходящее глазами не врача, а обычного человека (и в том числе переводчика), Донцова Павла Николаевича обманывает, но эта ложь — на благо пациента. А то, что, обманув Русанова, Людмила Афанасьевна не погрешила против строго научной истины, — факт интересный, но отнюдь не самый главный с точки зрения коммуникации.

Что касается эффекта её слов, то, видимо, они достигли своей цели: Русанов спорить перестал, немного пришёл в себя и согласился на лечение.

В переводе Бетелла и Бёрга это место передано, безусловно, неудачно. Но больше не потому, что английское *cancer* в строго терминологическом смысле не ограничено карциномой, а потому, что *lymphoma* — слово слишком понятное для носителя ан-

Анализ практики

глийского языка. И не столько Донцова предстаёт перед читателем перевода обманщицей, сколько Русанов — человеком малограмотным.

Переводческий диагноз поставлен: удачное в оригинале противопоставление понятного бытового слова и непонятного термина в переводе утеряно, хотя оба слова по отдельности переданы вполне корректно. Как поправить дело? От слова *cancer* уйти не получится: другого повседневного наименования этой болезни в английском языке нет, а обойтись иносказаниями, функциональными заменами и прочими обходными маневрами при переводе книги с названием «Ракочный корпус», где всё действие вращается вокруг рака, немислимо. Следовательно, нужно отказаться от варианта *lymphoma*.

Если бы Павел Николаевич был одним из второстепенных персонажей, теоретически можно было бы подумать о том, чтобы «заменить» его болезнь на другую разновидность рака с более экзотическим наименованием. Однако в данном случае это решение не подходит, тем более что симптомы болезни Русанова автор описывает довольно подробно.

Остаётся поискать, нет ли в английском языке малоизвестного названия лимфогранулематоза, которое, в отличие от гиперонима *lymphoma*, не будет раскрывать перед больным все карты. В своей статье А.Г. Азов приводит варианты *Hodgkin's disease/lymphoma*. Но, к сожалению, для наших целей они тоже не годятся в силу своей широкой распространённости (поисковая система «Гугл» находит по запросам *Hodgkin's disease* и *Hodgkin's lymphoma* в общей сложности около 2 миллионов страниц).

Возможным вариантом передачи «лимфогранулематоза» было бы сочетание *lymphomatosis granulomatosa* (556 страниц в «Гугле»), которое, согласно Медицинскому словарю Дорланда, является устаревшим названием болезни Ходжкина¹. В книге

¹ Dorland's Illustrated Medical Dictionary. 25th edition. — Philadelphia: Saunders, 1975. — с. 896.

Г.С. Каплана под названием *Hodgkin's Disease*, помимо *lymphomatosis granulomatosa*, перечисляются следующие синонимы заглавного понятия: *lymphogranuloma*, *adénie*, *granuloma malignum*, *lymphadenoma* и *lymphoblastoma*². Нам представляется, что наиболее удачным вариантом из этого перечня было бы *adénie*, так как это слово имеет наименее прозрачную для носителя английского языка внутреннюю форму.

Остаётся еще один не до конца решённый вопрос, который, по мнению А.Г. Азова, делает настоящий случай непереводимым. Даже если мы в переводе заменим известное слово *lymphoma* на что-то малопонятное, нам не уйти от того факта, что английское *cancer*, в отличие от русского «рак», в терминологическом значении включает в себя все виды злокачественных опухолей. Следовательно, врач Донцова будет вынуждена соврать Русанову не только с бытовой (как и в оригинале), но и с профессиональной точки зрения. Не исказит ли это её образ в переводе? Не предстанет ли она перед англоязычными читателями коварной обманщицей?

Отчасти ответ на этот вопрос даёт сам текст книги. Приведём две цитаты, встречающиеся дальше по тексту, другие, чем отрывки, процитированные в статье «Вообще не рак»:

- Есть истина у врачей: больного надо не пугать, больного надо подбодрять.
- Это сейчас он с робзмаху лепил: «раком», а долго-долго перед собой притворялся, что нет ничего, пустяки... И когда уже пошёл, и от диспансера к диспансеру дослали его в раковий, а здесь всем до одного больным говорили, что у них — не рак, — Ефрем не захотел смекнуть, что у него, не поверил своему природному уму, а поверил своему хотению: не рак у него, и обойдётся.

Если судить со строгих терминологических позиций, в раковом корпусе, где «всем до одного больным говорят, что у них — не рак», весь медперсонал — бессовестные обманщики. На этом фоне утверждение

² Kaplan H.S. Hodgkin's Disease. 2nd edition, 1980. — с.5.

Донцовой, что лимфогранулематоз – не cancer, английского читателя шокировать уже не должно. Впрочем, думается, и русский, и английский читатель будут судить в первую очередь с позиций общечеловеческих и поймут, что врачи избегают слов «рак» и *cancer* соответственно, иногда говоря откровенную неправду (допустим, донцовское «конечно, нет» по поводу болезни Русанова – это полуправда, но неужели она не сказала бы того же самого больному с карциномой?) только потому, что хотят по возможности поддержать дух своих пациентов.

Теоретически был бы уместен вопрос о том, не расходятся ли взгляды на подобные ситуации в русской и английской или американской культурах настолько сильно, что ложь Донцовой будет иноязычным читателем интерпретирована неверно? Отнюдь не претендуя на сколько-нибудь всестороннее освещение этой проблемы, приведу несколько цитат из книги Джима Макинтоша *Communication and Awareness in a Cancer Ward*, название которой можно было бы перевести следующим образом – «Что и как сообщать пациентам ракового корпуса»³:

- Clearly, he [the doctor] did not want to tell the patient that he thought he might have cancer. When persuading patients to come into hospital, he was often able to avoid doing so by professing to be uncertain about the diagnosis but adding that it probably had to be treated, whatever it was.
- ...The principles underlying communication with those patients were the same as for the others... the condition was described by means of euphemisms; its immediate severity was played down; and the prospect of cure was treated as being relatively unproblematic.
- Ultimately the doctor had to break the news that a major operation was definitely necessary. But, in doing so he did not tell the patient that he had cancer. Instead, he would inform him that his condition was 'going malignant' or would 'turn cancerous'.
- Among the replies which patients received from GPs to the question, 'Is it cancer?' were, 'Well,

it's sort of cancer', or, 'Well, it might be, but I don't think it's a dangerous one', or, 'It's a possibility that shouldn't be overlooked'.

Думается, желание Донцовой до последнего не говорить Русанову, что у него рак, будет вполне понятно и с позиций английской медицины. И хотя её *Of course it's not* больше расходится с истиной, чем *It's going malignant* или *Well, it's sort of cancer*, намёк в конце разговора (*People don't only die of cancer*) призван как раз дать Русанову понять – непрямым способом, – что его заболевание требует самого серьёзного лечения. Здесь будет уместно процитировать ещё один фрагмент оригинала и перевода, отражающий именно лингвистическую сторону врачебной этики:

- «Здесь [во время обхода – Д.Б.] даже нельзя было ни о ком сказать, что состояние ухудшилось, разве только: «процесс несколько обострился». Здесь всё называлось полунамеком, под псевдонимом (даже вторичным) или противоположно тому, как было на самом деле. Никто ни разу не только не сказал: «рак» или «саркома», но уже и псевдонимов, ставших больным полупонятными, – «канцер», «канцерома», «цэ-эр», «эс-а», тоже не произносили. Называли вместо этого что-нибудь безобидное: «язва», «гастрит», «воспаление», «полипы» – а что кто под этим словом понял, можно было вполне объяснить только уже после обхода. Чтобы всё-таки понимать друг друга, разрешалось говорить такое, как: «расширена тень средостения», «тимпонит», «случай не резектабельный», «не исключен летальный исход» (а значило: как бы не умер на столе)».
- You couldn't even say that a patient's condition had worsened, all you could say was "The process seems somewhat more acute." Everything was discussed in euphemisms and half-allusions (sometimes even in substitutes for substitutes), or else in a way that was in direct antithesis to the truth. No one ever said "cancer" or "sarcoma," nor could they use terms that patients half understood, like "carcinoma", "CR" or "SR." Instead they had to use harmless words like "ulcer," "gastritis," "inflammation," or "polyps." What these terms actually meant could be explained in full only after the rounds. Sometimes, for the sake of better understanding, they were allowed to use expressions like "The shadow in the mediastinum has widened," or "The case is not respectable," or "We cannot

³ McIntosh J. *Communication and Awareness in a Cancer Ward*. – Croom Helm: London, 1977.

Анализ практики

exclude a lethal outcome" (which meant the man might die on the operating table)⁴.

Как видим, то, что получилось в английском переводе, мало чем отличается от цитат из книги Макинтоша.

Выше уже говорилось, что статья А.Г Азова на самом деле затрагивает более важные и общие вопросы, чем конкретный случай неудачного перевода. С одной стороны, речь идёт об одновременной актуализации и противопоставлении терминологического и обиходного значений («рак» как карцинома и «рак» как злокачественная опухоль), с другой – недоучёт в переводе такого фактора, как расхождение в частотности языковой единицы оригинала и ее переводного эквивалента⁵.

Приведём пример сходной переводческой проблемы на совершенно несходном материале. В фельетоне *The Lesson of History* американский журналист Дэйв Барри подшучивает над историками, преподавателями истории, авторами книг на исторические темы и многим другим, периодически пародируя стиль учебной литературы и вставляя в фельетон довольно бредовые «задания»: например, упомянув индекс Доу Джонса, автор вставляет «вопрос для обсуждения»: *What kind of a name is "Dow" Jones? Explain.*

⁴ Попутно обратим внимание на две ошибки или опечатки в этом переводе. В последнем предложении, очевидно, имелось в виду не *respectable*, а *resectable*. Что же касается передачи *эс-а* (т.е. *саркома*) как *SR*, то это можно было бы считать ошибкой в интерпретации, если бы выше диалог «Тебе опухоль называют как-нибудь? – Да вроде – “Эс-а”. – Эс-а? Тогда надо оперировать» не был переведен как *Have they told you what your tumor's called? – It's one of those SA ones – That means sarcoma. You'll have to have an operation.*

⁵ Это расхождение можно считать частным случаем несовпадения языковых спектров. В отечественной школе перевода идея языкового спектра появилась, вероятнее всего, в среде учеников и последователей переводчика И.А. Кашкина. Сам термин «языковой спектр» («спектр языка») был введён в научный обиход М.Д. Литвиновой. Мы понимаем под языковым спектром совокупность частотно-узальных характеристик единиц на всех уровнях языка в пределах конкретно взятого стиля, жанра и тематической области.

Неожиданно речь заходит об американском телеведущем Дэвиде Хартмане, и следует очередной вопрос: “Don't you think David Hartman is just a little *too avuncular*?” Why? Для слова *avuncular* во втором значении (с пометой «ирон.») НБАРС предлагает следующие варианты перевода (в разных контекстах): *свойственный доброму дядюшке, отеческий, снисходительный, покровительственный*. Всё это вполне удачные эквиваленты, и, если не дочитывать фельетон до конца, процитированное выше предложение вполне можно перевести как «Не кажется ли вам, что Дэвид Хартман уж слишком напоминает доброго дядюшку/держится с гостями чуточку снисходительно/говорит с гостями, как добрый дедушка с внуками?». Однако фельетон заканчивается совершенно неожиданным заданием: “DEFINE THE FOLLOWING: ‘Avuncular’”.

Если бы выше мы воспользовались одним из предложенных вариантов перевода, последний вопрос фельетона приобрел бы совершенно нелепый вид («Дайте определение слову *снисходительно*»? «Что такое *добрый дядюшка*?»). Оказалось, что в контексте всего фельетона важно не только значение *avuncular*, но и его функционально-частотная характеристика, а именно то, что слово довольно книжное и в повседневной речи малоупотребительное. Иначе говоря, мы имеем дело с контекстно-связанной языковой импликацией⁶. Однако это не значит, что случай неперевода – просто в вопросе про Дэвида Хартмана необходимо использовать относительно редкое слово, которое прозвучит уместно в заключительном задании. Например, возможно такое решение:

- 1) ВОПРОС ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ: Не кажется ли вам, что Дэвид Хартман держится с гостями не без амикошонства? Почему?
- 2) ДАЙТЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ СЛОВУ: «Амикошонство».

⁶ Чернов Г.В. Контекстно-свободная и контекстно-связанная имплицативность и проблема переводимости // Текст и перевод. – М.: Наука, 1985.

Отметим, что с точки зрения денотативной информации *амикошонство* несколько отличается от *avuncular*: в нем больше подчеркивается фамильярность, чем добродушие. Но, учитывая контекст фельетона и коммуникативные задачи его автора (который отнюдь не пытается предельно точно нарисовать психологический портрет Дэвида Хартмана), такое отклонение вполне допустимо, если реализуется главная функция – создание забавной игры слов.

Переводческий промах, описанный в статье А.Г. Азова, а также сама статья А.Г. Азова лишней раз показывают бесплодность переводческого позитивизма. Можно собрать замечательную коллекцию наблюдений и фактов, раскопать интереснейший исторический материал, но без

осмысления и обобщения в русле переводческой теории этот материал останется неплодотворенным, разойдётся на бесконечные «К вопросу о...» и «А вот ещё был случай...».

Наверное, хороший врач должен изгнать из своего лексикона слово «неизлечимый», ведь признать болезнь неизлечимой – значит капитулировать. То же самое отношение должно быть у профессионального переводчика к слову «непереводимость»: как знать, не скрывается ли за ней простая непереведённость? И если бы автор статьи «Вообще не рак» чуть последовательнее смотрел на перевод «Ракового корпуса» глазами врача, он, без сомнения, не только нашел бы симптом, но и установил болезнь и прописал бы лекарство.

Просто цитата

А.А. Блок О «Голубой птице» Метерлинка (1920)

Особняком стоит его <М. Метерлинка> последняя пьеса «Голубая Птица», пьеса, которая обошла русские сцены под неверным заглавием «Синяя Птица». Совсем не педантизм с моей стороны – придираться к слову синий и передавать словом голубой французское слово *bleu*; по-французски *bleu* значит и синий и голубой, так же как *blau* по-немецки; но дело в том, что за пьесой-сказкой Метерлинка лежит длинная литературная традиция, которая тянется от народных сказок, сквозь их литературное преломление у французского сказочника Perrault, с одной стороны, и сквозь целую большую полосу германского романтизма, с другой. Метерлинк очень много занимался немцем Новалисом; он переводил его и как бы заново открыл для французов, тесно связав его имя с символизмом; Метерлинк – один из тех, кому мы обязаны установлением тесной литературной связи между ранними романтиками начала XIX века и символистами конца века. Новалис – ранний романтик, один из тех немногих, у кого начало романтизма можно наблюдать в чистом виде, не осложнённом позднейшими наслоениями; он ещё не сошёл с первоначального пути, – и

главное произведение его есть неоконченный роман о Голубом Цветке – *Die blaue Blume*. У нас твёрдо установился обычай называть этот волшебный сказочный цветок именно голубым, а не синим, значит нет никакой причины называть метерлинковскую птицу синей, а не голубой. Называя её синей, мы порываем с традицией; но ведь всякое слово традиционно, оно многозначно, символично, оно имеет глубокие корни; последние тайны нашего сознания заложены именно в корнях языка; поэтому нам, художникам, нужно бережно относиться к слову; легко растерзать слух чуткого читателя или театрального зрителя, сразу навязав ему ряд ложных ассоциаций. Будем верны слову голубой и заменим им слово синий как в заглавии, так и во всём тексте пьесы; потому что цветок голубой, небо голубое, лунный свет – голубой, волшебное царство – голубое (или лазурное – у Тургенева) и дымка, в которую закутана вся метерлинковская сказка и всякая сказка, говорящая о недостижимом, – голубая, а не синяя.